

Сведения о выполненных работах в 2018 году
по проекту **«Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры
сибирских региональных столиц»**, поддержанному Российским научным фондом

Соглашение № 18-18-00293

Руководитель д-р ист. наук Нам Ираида Владимировна

В 2018 г. проект был направлен на выявление «мигрантской» инфраструктуры в городском пространстве Томска и Иркутска. Исследование проводилось как количественными, так и качественными методами, но с преимущественной опорой на качественную методологию. В Томске был проведен анализ полученных в ходе анкетного опроса данных в SPSS, в Иркутске его результаты анализировались через построение карт-схем использования мигрантами городской инфраструктуры, выделения спектра бытующих практик без выполнения количественного анализа полученных ответов. Изучение представлений горожан о «мигрантских» местах Томска и Иркутска проводилось также с помощью полуструктурированных интервью, что позволило сравнить собранный в ходе этого исследования материал с эмпирическими данными, полученными в результате предшествующих исследований.

В основу исследования был положен подход культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы. Согласно этому подходу, основным критерием выделения вернакулярного района служит его локализация в восприятии жителями отдельной городской территории.

В Томске были выделены для исследования 3 вернакулярных района – «Центр», «Черемошники» и район Иркутского тракта («Иркутчи»/«Иркутский»), имеющих разные социально-экономические и географические характеристики. В Иркутске были выделены два вернакулярных района: «Рабочее предместье» – место традиционного расселения мигрантов и маргинальных групп в северо-западной части областного центра, и район мечети – одна из центральных локальностей города, где расположена соборная мечеть, построенная в конце XIX в.

В ходе проведенного исследования были выявлены ключевые элементы городской инфраструктуры, используемые мигрантами, и практики ее использования. Мигранты, проживающие в трех исследованных вернакулярных районах Томска, используют районную инфраструктуру, преимущественно эконом-класса, наравне с местными жителями, посещая те же магазины, больницы, парикмахерские и т.п., что и томичи. Использование городской инфраструктуры, расположенной в других частях города, связано с нерегулярными практиками, такими как досуг или религиозные практики.

Выявлено значение этнических сетей в качестве ведущего механизма адаптации мигрантов в Томске. Наличие родственников/земляков обуславливает выбор города в качестве места работы и жительства, что существенно облегчает и процесс адаптации на первых порах, включая поиск работы, жилья, освоение города и т.д.

Наиболее видимым в городском пространстве примером городской инфраструктуры, маркируемой как «этническая», являются кафе, представленные такими сетями, как «Ош», «Баракат», «Чинара». «Магнолия», а также «восточные» кафе: «Бай Казан», «Южанка» и др. Это один из примеров создания мигрантами инфраструктуры эконом-класса в городе, которая используется всеми его жителями, в частности, студентами. Трудовые мигранты также заняты в сфере обслуживания эконом-класса: парикмахерских, цветочном бизнесе, мелкооптовой торговле фруктами и овощами, ремонте обуви.

Особое место в мигрантской инфраструктуре принадлежит частной клинике, основанной выходцем из Узбекистана, выпускником Сибирского медицинского университета (СибГМУ), услугами клиники пользуются не только земляки, но и мигранты из Кыргызстана.

Важную роль в мигрантской инфраструктуре Томска занимают частные посреднические фирмы, предоставляющие мигрантам широкий спектр услуг, включая оформление документов на получение разрешения на временное проживание и российского гражданства, покупку российских симкарт, авиабилетов и др.

Установлено, что так называемые «мигрантские школы» есть во всех районах города. Чаще всего дети мигрантов попадают в школы, расположенные в местах, окруженных жильем низкого качества или же в близости от больших рынков. Поскольку в Томске нет общей для города и области программы адаптации детей, каждая школа практикует свою стратегию адаптации. В одних школах для них формируют отдельные классы, в других стараются равномерно распределить по классам. Основным препятствием к успешной интеграции детей служит низкий социальный и образовательный уровень родителей и слабая мотивация к учебе детей мигрантов.

Описана роль томских мечетей, имамов и неформальных исламских авторитетов пространственной и сетевой организации мигрантских сообществ. Исламское, маркируемое местными жителями как «мигрантское», пространство Томска, представляют как «формальные» лидеры (имамы двух соборных мечетей, приехавшие из Таджикистана и Киргизии), так и набожные молодежные авторитеты и представители «мигрантской элиты» из среды мигрантов-предпринимателей. Так, владелец крупной строительной фирмы, выходец из Бухары, оборудовал молельный зал на базе общежития для своих рабочих на окраинной промышленной зоне Томска. Молельные комнаты есть также в некоторых восточных кафе, на автосервисах и шиномонтажах, на рынках. Созданные практикующими мусульманами, невидимые мусульманские локации разбросаны по всему городу. Речь идет не столько об ином взгляде на город, сколько об ином городе, наполненном иными маркерами, актуальными только для практикующих и встроенным в мусульманскую среду верующим.

Выявлена неоднозначная роль национально-культурных организаций как элемента инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие мигрантов и города. Организуемые национальными организациями культурные мероприятия, вопреки мнениям экспертов, не занимают центрального места, как можно было ожидать, в мигрантском досуге. Помощь, оказываемая национальными организациями

мигрантам, не имеет для них определяющего значения. Мигранты мало осведомлены об их деятельности, путают разные структуры, общественные и частные, имеющие отношение к оказанию миграционных услуг. В целом место национально-культурных организаций в мигрантской инфраструктуре города и их роль в жизни мигрантов, судя по результатам анкетного опроса и интервью, малозначительны.

На примере иркутского кейса был описан процесс трансформации представлений о «мигрантских» локальностях в городских нарративах. Были выявлены и описаны функции, которыми интересующие нас локальности наделялись взаимодействующими с ним группами в зависимости от того, о каком моменте рассказывает респондент – о настоящем или о прошлом. Было установлено, что «мигрантские» локальности, в данном случае – открытые вещевые рынки, описываются в рассказах местных жителей и городских медиа, прежде всего как места социальной нестабильности, в которых возможно применение табуированных в контексте остального города социальных практик. Была сформулирована гипотеза о ролевой структуре иркутского открытого рынка, как «мигрантской» локальности. Вне зависимости от исполняемой роли, «мигрантская» локальность обособляется в восприятии местного населения как место сомнительных с точки зрения коллективных представлений о социальной норме практик.

Было установлено, что респонденты, относившие себя к разным социальным группам, ретранслируют различные модели локальности. Сформулирована гипотеза о том, что «Мигрантские» локальности рождают в «постсоветском» городе специфическое социальное состояние, которое может быть охарактеризовано как «временной фронт», или момент, когда та или иная территория оказывается между несколькими конкурирующими проектами прошлого и будущего. Данная ситуация проявляется тогда, когда функция времени, как механизма социального контроля, оказывается нарушена, что приводит к одновременному сосуществованию множества социальных времен и пространств, которые могут быть никак не связаны между собой или противоречить друг другу.

Выявлено, что в нарративах, конструирующих «мигрантские локальности», происходит переопределение «этнического». Через «этническое» могут конструироваться отношение респондента к рынку, к вещам, которые там продаются и даже к запахам и типам социального взаимодействия. Так, например, «китайский» товар может означать качественную подделку, «китайский ресторан» – дешевое подпольное кафе, а «китайский торговец» – возможность торга. Одновременно «этническое» становится способом обозначить экстраординарность ситуации вообще, когда речь заходит о стихийном рынке, становится скорее способом описания нестандартной ситуации, для которой просто не существует четкого определения. «Этническое» обозначает не группу, а визуальный ряд, сопровождающий движение по этому месту. «Этничность» в контексте открытого рынка стала обозначать способ выживания в период социального кризиса, посредством превращения центра умирающего «города-механизма» территорию применения «партизанских» тактик.

Одновременно «этническое» может использоваться и как механизм стигматизации «мигрантских» локальностей, их исключения из порядка «нормального» города.

Выдвинута гипотеза о том, что возможной причиной переопределения «этнического» в репрезентациях «мигрантских» локальностей может заключаться в ассоциированности их с ситуацией хаоса. Причина может заключаться не столько в пришедших в городской центр «других», а в том, что сам городской центр, как и весь остальной город, теперь мыслился как «другой». И «мигрантская» локальность превращается в точку входа в новое, промежуточное состояние.

Была сформирована база интервью: 60 в Томске и 15 в Иркутске.

Результаты исследований отражены в опубликованных и принятых к печати 13 статьях (в том числе 6 – в изданиях, входящих в базы данных Scopus и Web of Science): в 23 докладах на 10 международных и 7 российских научных конференциях.